РАЗДЕЛ IV. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Галямов А.А.

**Образ северного певца-сказителя в произведениях В. А. Игошева и М. А. Тебетева:
сравнительный анализ***Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
(Россия, Ханты-Мансийск)**doi: 10.18411/trnio-10-2021-37***Аннотация**

В статье представлен сравнительный анализ произведений Народного художника СССР Владимира Александровича Игошева и самодеятельного художника-ханты Митрофана Алексеевича Тебетева, посвящённых теме репрезентации северного певца-сказителя. Данный образ несёт в себе основную смысловую и художественную нагрузку, отражает эстетическую программу художника по отношению к миру коренных северян.

Ключевые слова: В. А. Игошев, история образов, М. А. Тебетев, обские угры, художественная форма, Югра.

Abstract

The article presents a comparative analysis of the works of the People's Artist of the USSR Vladimir Alexandrovich Igoshev and amateur Khanty artist Mitrofan Alekseevich Tebetev, dedicated to the theme of the representation of the northern singer-storyteller. This image carries the main semantic and artistic load, reflects the aesthetic program of the artist in relation to the world of indigenous Northerners.

Keywords: V. A. Igoshev, the history of images, M. A. Tebetev, Ob Ugrians, art form, Ugra.

Если сравнить работы двух разных авторов – Народного художника СССР В. А. Игошева («Песня старого манси», 1957) и самодеятельного хантыйского мастера М. А. Тебетева («Мелодия нарсыюха», 1980), то помимо хронологических и технических особенностей исполнения, можно обнаружить явные различия в художественной структуре их произведений. Так, представленное действие в работе В. А. Игошева – приближенное к зрителю и тем самым осязаемое нашим глазом, – разыгрывается внутри жилища манси и является камерным по своему характеру, тогда как сюжет картины «Мелодии нарсыюха», по претворённому замыслу М. А. Тебетева, протекает на фоне сельского пейзажа, возле Язовского клуба совхозной фермы Шеркалы. О других характерных различиях будет сказано ниже, а пока следует остановиться на общем для произведений В. А. Игошева и М. А. Тебетева образе северного певца-сказителя, имеющего в истории живописи устоявшийся и сложившийся тип («образ-константа») и, вместе с тем, не перестающего претерпевать значительные трансформации от воздействия «духа времени», т. е. от меняющегося исторического содержания. Здесь уместно вспомнить слова австрийского и британского историка искусств Ф. Закля, последователя идей Аби Варбурга: «Образы со значением, характерным для определенного времени и места, после своего рождения начинают магически притягивать к себе другие идеи; они могут внезапно впасть в забвение и через несколько веков снова возникнуть в памяти человечества» [2, с. 63]. Именно центральная фигура полотен В. А. Игошева и М. А. Тебетева – образ певца-сказителя, – несёт основную смысловую нагрузку, «притягивает идею» и отражает, тем самым, эстетическую программу художника по отношению к миру коренных северян.

Ближайший по времени пример – образ сказителя из работы В. М. Васнецова «Баян» (1910), являющейся, по словам многих искусствоведов, последним заметным вкладом

художника в русское искусство и одновременно завершающей былинную тему в его творчестве [4, с. 361]. Собираательный образ былинного певца, поразившего своей глубиной и «психологией» прославленного русского художника И. Е. Репина [1, с. 347], представлен в момент наивысшего напряжения, в исступлении вещающего картины ожившей древней легенды. Её могучее воздействие и эпический размах зримо отражены на лицах дружины и юного княжича, и которой будто бы вторит сама природа. Кажется, что слепой старец, не видящий реальный физический мир одарён способностью прозревать в глубь веков, а его выхваченный художником патетический жест словно соединяет земную твердь с беспокойным небом. В композиции картины В. М. Васнецова – образ былинного певца в роли медиума связывает собой отдельные изобразительные элементы в одно целое, передавая им свою энергию и эпическое звучание.

Схожее композиционное решение – разомкнутый круг – мы можем видеть в произведении В. А. Игошева – «Песня старого манси» (1957). Однако в отличие от В. М. Васнецова, главный герой не собираательный и абстрактный образ, а реальное лицо и в то же время «типичный житель северной тайги» [3, с. 288] – охотник-манси Осип Тасманов. По словам художника, после первого знакомства с Осипом Петровичем его образ «глубоко запал в душу и не давал покоя» и потому, собирая материал к картине «Песня старого манси», решил приехать к нему в стойбище, ибо «он как нельзя лучше подходил для центрального образа картины не только своим видом, но и внутренним содержанием, всем своим существом» [3, с. 288-289]. «Вечером, когда Осип Петрович взял в руки лежащий на полке в глубине нар санголдап и, положив его на колени, стал играть, сердце мое заколотилось от восторга. Я почувствовал, что нашел то, что искал, и воображение нарисовало мне законченную картину» [3, с. 289]. Вот как сам В. А. Игошев живописует игру своего героя: «Своим глухим гортанным голосом, как бы вторившим звуку санголдапа, Осип Петрович пел несложный унылый мотив, и я слышал голос ветра, скрип нарт, скользящих по снегу, шум бесконечного леса, слышал голос тайги и писал. Писал и торопился, чтобы успеть уловить неповторимое, поминутно меняющееся выражение лица <...> Во время пения он то низко опускал голову, то резко поднимал ее вверх, и его седеющие волосы спадали на лоб и виски живописными прядями» [3, с. 289-290].

На картине «Песня старого манси» представлен образ сдержанного, спокойного в своём выражении северного певца, лишённого не только аффектированного жеста васнецовского сказителя, но и литературно-возвышенных мест из красочных описаний самого художника. Может показаться, что мудрая и «благородная простота и спокойное величие» всей атмосферы произведения согласуется с ходячей схемой соцреализма, вбирающей в себя и переработанный для своих идеологических целей классицистический канон. Однако художник, понимая, как сложно предать средствами живописи «неповторимое, поминутно меняющееся выражение лица», выбрал именно такой момент, когда главный герой только подходит к высшей точке выражения, согласовав данную ситуацию с требованием красоты – «изображение прекрасного тела» (Лессинг) в его подготовке к будущему движению, и которое может предвосхитить воображение зрителя.

Кроме указанного выше отличия в выборе главного героя, другие фигуры в произведении В. А. Игошева также имеют реальные прототипы, тогда как практически все герои В. М. Васнецова представлены на полотне в качестве собираательных образов, за исключением, разве что, юного Владимира Викторовича Васнецова – сына художника и реальной модели для княжича-отрока. Например, среди изображённых фигур «Песни старого манси» можно распознать Прасковью Аментьеву, чей портрет под названием «Озорница» был выполнен годом ранее (1956) и ныне находится в Государственной Третьяковской галерее. Сам факт включения в реальное пространство мансийского жилища реальных фигур, которых можно встретить в других работах художника, говорит о составной, воображаемой композиции, дополненной характерными этнографическими атрибутами и бытовыми мотивами. Данное изобразительное решение сближает программную работу

советского художника с произведением В. М. Васнецова, ибо там воображаемым пространством для совершаемого действия тризны является пейзаж. Следует добавить, что северный певец-сказитель своей игрой так же, как и Баян объединяет других персонажей полотна, ибо они, по словам мансийского поэта Ю. Шесталова, «погружены в мысли, каждый размышляет о своём» [5].

По словам самобытного художника-ханты М. А. Тебетева – автора рассматриваемой картины «Мелодия нарсьюха» (1980), – её композиция была выполнена «по воображению» и посвящена «талантливому земляку, лохтоткуртцу Леониду Степановичу Тебетеву» [6, с. 74]. Именно Л. С. Тебетев – главный герой картин, а вместе с тем – её смысловой и активный центр: «У собравшихся в предосенний солнечный день радостное настроение. Мелодия хантыйской музыки, которую исполняет на нарсьюхе Л. С. Тебетев, доходит до жилых домов Язовки, люди в нарядной одежде подходят к клубу. И сам музыкант ощущает удовольствие, что в погожий день под открытым небом у реки Оби состоится концерт» [6, с. 74]. В отличие от предыдущих рассматриваемых нами работ, главная фигура находится внутри общего круга изображённых, тогда как и В. М. Васнецов, и В. А. Игошев располагают своих сказителей в правой части композиции в качестве главных звеньев в общей цепи других фигур. Однако данное расположение не является периферийным и не мешает им быть своеобразным энергетическим центром, задавая своей игрой общий композиционный ритм и вызывая сложное внутреннее движение у присутствующих.

С фотографической, почти с протокольной точностью М. А. Тебетев передаёт сельский ландшафт, Язовский клуб, с предельной строгостью выписывает лозунги предстоящих праздников («XXVI съезду КПСС», «50-летию Ханты-Мансийского округа...»), а также обнаруживает неподдельную внимательность к деталям, когда отображает внешний облик собравшихся «в предосенний солнечный день» работников фермы. Можно предположить, что воображаемую композицию картины «Мелодия нарсьюха» автор стремится компенсировать за счёт тщательно переданного реального места, наводнив его типичными персонажами. Что касается фигуры певца-сказителя – «музыканта в красной рубаше, украшенной хантыйском орнаментом» [6, с. 74], то как и в «Баяне» и в «Песне старого манси» она связывает собой другие элементы композиции, но вместе с тем, ещё более подчёркивая своё значение в качестве выделенного центра внутри круга, от которого словно исходят невидимые лучи. Однако являясь композиционным центром, образ северного певца в произведении М. А. Тебетева по сравнению с более ранними вариантами указанных работ утрачивает патетическую значительность, обнаруживая в себе статику и застылость. Он уже не исступлённо декламирует, как васнецовский сказитель-медиум, но и не сдержанно поёт «несложный унылый мотив» как игошевский герой Осип Тасманов. Подобное отображение скульптурной застылости и отсутствие разработанной психологической программы портретируемых можно найти в других работах М. А. Тебетева, посвящённых реальным северным певцам-сказителям: «Портрет заслуженного работника культуры РСФСР А. А. Ангатшупова» (1971), «Мелодия торсаптьюха» (1988) и др.

1. Бахревский В. А. Виктор Васнецов. М.: Молодая гвардия, 1989. 364 с.
2. Закль Ф. Константы и вариации в значении образов // Мир образов. Образы мира: антология исследований визуальной культуры: учебное пособие. СПб.; М.: Новое издательство, 2018. С. 62-85.
3. Игошев В. А. Глазами сердца. М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. 298 с.
4. Моргунов Н. С. Виктор Михайлович Васнецов: Жизнь и творчество. 1848-1926 / Н. С. Моргунов, Н. Д. Моргунова-Рудницкая. М.: Искусство, 1962. 459 с.
5. Народный художник СССР, Владимир Александрович Игошев. Живопись. Каталог выставки к 70-летию со дня рождения / Авт. ст. Ю. Шесталов. М.: Галарт, 1993. [б. с.].
6. Тебетев М. А., Фёдорова Н. Н. Лохтоткурт. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. 112 с.